

Научная статья

УДК 343.9.018:340.125

doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.003

Развитие института уголовного наказания в России от времени правления Петра I до уголовных кодексов сталинской эпохи

КОНСТАНТИН ВИКТОРОВИЧ КОРСАКОВ

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, korsakovekb@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2967-9884>

Реферат

Введение: в статье рассматриваются проблемные аспекты эволюции института уголовного наказания в России со времен Петра I до первых уголовных кодификаций советского времени, а также культурные, социально-политические и экономические факторы, влиявшие на этот процесс. *Цель:* анализ исторического пути и выявление закономерностей развития уголовного наказания в России с периода правления императора Петра I, в котором господствовала парадигма устрашения, до этапа действия первых уголовных кодексов Советского государства, ориентированных на позитивистские идеи защиты общества и исправления. *Методы:* структурный анализ и синтез, документарный, историко-правовой и сравнительно-правовой методы познания. *Результаты:* сформулирована точка зрения о том, что репрессивность уголовных наказаний Петровской эпохи связана со стремлением политической власти обеспечить осуществление коренных, масштабных и беспрецедентных для того времени социальных преобразований. Аргументировано мнение, что идеология просвещенного абсолютизма екатерининской эпохи не оказала никакого гуманизирующего влияния на пенитенциарную практику, которая осталась неизменной и консервативной. Дана оценка затронувшим институт уголовного наказания длительной кодификационной работе и работе по систематизации законодательства под руководством М. А. Балугьянского и М. М. Сперанского, охарактеризованы успехи в области реформирования уголовного законодательства периода правления Александра II, а высокий юридический уровень Уголовного уложения 1903 г. связывается нами с привлечением к работе по его составлению выдающихся ученых-правоведов того времени – Н. А. Неклюдова, Н. Д. Сергеевского, Н. С. Таганцева, И. Я. Фойницкого и др. Подробно раскрыты идеологическая и научно-теоретическая основы первых уголовных кодификаций советского периода, проанализированы причины появления в них института мер социальной защиты, высказаны замечания против имеющихся в науке суждений об излишней репрессивности пенитенциарной практики того времени. *Выводы:* резюмируется, что в уголовном наказании на каждой фазе его развития в нашей стране наглядно отражается не только социально-экономический уклад жизни, но и текущий культурный и духовно-нравственный уровень российского общества, поэтому уголовное наказание помимо его основных целей и функций обладает ценностью как феномен, отображающий социально-культурные процессы, происходящие в социуме на том или ином этапе его развития.

Ключевые слова: уголовное наказание; история уголовного права России; уголовное законодательство; пенология; эволюция наказания; пенитенциарная система; доктрина уголовного наказания.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Корсаков К. В. Развитие института уголовного наказания в России от времени правления Петра I до уголовных кодексов сталинской эпохи // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 1 (69). С. 21–31. doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.003.

On the Development of Criminal Punishment Institution in Russia from the Reign of Peter the Great to Criminal Codes of the Stalin Era

KONSTANTIN V. KORSAKOV

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, korsakovekb@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2967-9884>

Abstract

Introduction: the article considers problematic aspects of the evolution of the institution of criminal punishment in Russia from the time of Peter the Great to the first criminal codifications of the Soviet era, as well as cultural, socio-political and economic factors that influenced this process. *Purpose:* to analyze the historical path and identify patterns of criminal punishment development in Russia from the reign of Emperor Peter I, in which the intimidation paradigm prevailed, to the stage of operation of the first criminal codes of the Soviet state, focused on positivist ideas of protecting society and correction. *Methods:* structural analysis and synthesis, documentary, historical-legal and comparative-legal methods of cognition. *Results:* the author substantiates the point of view that the repressiveness of criminal punishments of the Petrine era is associated with the desire of the political authorities to ensure the implementation of fundamental, large-scale and unprecedented social transformations for that time. It is argued that the enlightened absolutism ideology of the Catherine era had no humanizing effect on penitentiary practice, which remained unchanged and conservative. The long-term codification and systematization of legislation under the leadership of M.A. Balug'yanskii and M.M. Speranskii is assessed and successful reforming of criminal legislation during the reign of Alexander II is described. A high legal significance of the 1903 Criminal Code is associated with the involvement of prominent legal scholars N.A. Neklyudov, N.D. Sergeevskii, N.S. Tagantsev, and I.Ya. Foinitskii in its drafting. Ideological and scientific-theoretical foundations of the first criminal codifications of the Soviet period are revealed in detail, reasons for the appearance of the institution of social protection measures are analyzed, and scientific judgments about the excessive repressiveness of penitentiary practice of that time are commented on. *Conclusions:* it is summarized that criminal punishment at each phase of its development in our country clearly reflects not only a socio-economic way of life, but also a current cultural and spiritual and moral level of Russian society; therefore, criminal punishment is a phenomenon reflecting socio-cultural processes at a certain stage of social development.

Key words: criminal punishment; history of Russian criminal law; criminal legislation; penology; evolution of punishment; penitentiary system; doctrine of criminal punishment.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Korsakov K.V. On the development of criminal punishment institution in Russia from the reign of Peter the Great to criminal codes of the Stalin era. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 1 (69), pp. 21–31. doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.003.

Введение

Уголовно-правовая политика Петра I при сохранении прежних ориентиров на доктрину устрашения (одним из доказательств этому служит выдержка из петровского распоряжения от 17.11.1718: «и для большего страха, по знатым дорогам, где проезд бывает, велеть поставить виселицы») придала уголовному наказанию более утилитарный характер; осужденных стали повсеместно привлекать к труду. Например, в Указе Петра I от 13.02.1719 «Об отсылке виновных баб и девок, которые не будут подлежать смертной казни, на прядильный двор» предписывается: «виновных баб и девок, которые смертной казни будут не

подлежать... отсылать в определенный прядильный двор». Интенсивно стали применяться такие виды уголовного наказания, как ссылка на поселение и на каторжные работы (ссылка на работу в рудники и мануфактуры навечно либо на определенный срок, на работу по строительству гаваней и крепостей и на галеры гребцом). В Петровскую эпоху труд российских осужденных в массовом порядке использовался при строительстве г. Санкт-Петербурга. Постепенное распространение каторжных работ, ссылки на поселение и изоляции от общества (арест у профоса (палача), «держат под караулом» и др.) усиливало компонент частной превенции в уголовном наказании. В

то же время законодательство Петра I не отходит от ортодоксальной идеи возмездия, на что указывают, например, положения в ст. 154 Артикула воинского 1715 г.: «кто кого волею или нарочно без нужды и без смертного страху умертвит, или убьет его тако, что от того умрет, онаго кровь паки отмстить, и без всякой милости оному голову отсечь».

Наряду с широким использованием смертной казни (она в петровских воинских артикулах была предусмотрена в 122 статьях [1, с. 191], отличалась многовариантностью (ее абсолютно новым видом стало аркебузирование – расстрел) и исполнялась, как правило, публично), болезненных и членовредительских телесных наказаний получили развитие уголовные наказания, связанные с поражением в правах (в частности, такой аналог гражданской смерти, как шельмование (лишение гражданских прав, которое предворялось преломлением шпаги над головой или прибиванием доски с именем преступника к виселице)), которые применялись в качестве как основных, так и дополнительных наказаний. Характерной особенностью карательной практики времен Петра I было привлечение гражданских (партикулярных) лиц к юридической ответственности – без каких-либо законодательных для этого оснований – по нормативным правовым актам (Уложению генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева 1702 г., Артикулу краткому 1706 г., Уставу прежних лет 1706 г., Артикулу воинскому 1715 г., Воинскому уставу 1716 г. и призванному регулировать отношения сугубо на военном флоте Морскому уставу 1720 г.), которые должны были использоваться только специализированными военными судами (кригсрехтами и пр.) и только в отношении военнослужащих.

Предусматривавший высшую меру наказания за чернокнижие (чародейство) и применявшуюся еще в древнеримской армии децимацию (казнь каждого десятого виновного по жребию) Воинский устав Петра I 1716 г. тем не менее содержал прогрессивные нормы об альтернативности уголовных наказаний и их классификации. В нем они делились на пять классов: легкие нарушения чести наказания, тяжелые нарушения чести, обыкновенные телесные наказания, жестокие телесные наказания и наказания смертные. Примечательно, что в этом законе закреплялась такая мера, как испрошение прощения, суть которой заключалась в том, что судом на преступника налагалась обязанность гласно признать вину и попросить прощения у потерпевшего.

Важным шагом на пути развития института уголовной ответственности было официальное закрепление правила о том, что незнание закона не освобождает от ответственности (*Nemo ignorantia iuris recusare potest*), которое сначала адресовывалось судьям, но на практике довольно быстро было распространено на все население: «дабы впредь никто неведением о государственных уставах не отговаривался». При Петре I светские наказания дополнялись наказаниями

церковными, в частности Духовный регламент 1721 г. архиепископа Феофана (Прокоповича) в качестве наказания предусматривал анафемствование – высшую форму исторжения из лона православной церкви (отлучения) тех ее членов, которые совершили самые тяжкие прегрешения. Анафеме, как известно, в 1708 г. за государственную измену был подвергнут гетман И. С. Мазепа.

Репрессивность уголовных наказаний Петровской эпохи во многом обусловлена стремлением верховной власти любыми средствами обеспечить осуществление коренных, масштабных и беспрецедентных для того времени преобразований всей социально-политической жизни (которые часто встречали как явное, так и скрытое противодействие, так как прямо противоречили стародавним привычкам, устоям и традициям общества), включая ее намерение за счет усиления мер государственного контроля, строгой дисциплины и законопослушания добиться успешной реализации этих реформ. С другой стороны, ужесточение уголовной кары само по себе было элементом реформирования и частью петровских нововведений, направленных на консолидацию и мобилизацию общественных сил для мощного социально-экономического и культурного рывка, достигнутого Россией ценой больших усилий социума и государства в первой четверти XVIII в.

Уголовное наказание периода царствования Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины Великой

Во второй четверти XVIII в. политика государства в пенитенциарной области не претерпела изменений в сторону гуманизации, наоборот, в период нахождения у власти Анны Иоанновны, правление которой известно по фамилии ее фаворита Э. Бирона как «бироновщина», репрессивные меры были усилены. В царствование Елизаветы Петровны проявилась тенденция сокращения применения смертной казни и телесных наказаний: российская императрица, крайне отрицательно относившаяся к высшей мере наказания, пользуясь введенным по ее инициативе особым порядком применения смертной казни (требованием обязательной «высочайшей конфирмации» всех приговоров к смертной казни и политической смерти), не подписала ни одного поступившего в Правительствующий сенат смертного приговора (на практике же в разных частях Российской империи смертная казнь нередко применялась в обход установленного порядка и без каких-либо значимых последствий, наиболее часто в прибалтийских губерниях и в Запорожской Сечи на основании обычного права малороссийского казачества [2, с. 138], а исполнение уголовного наказания в виде избиения кнутом доводило многих осужденных до мучительной смерти). Несмотря на негативное отношение Елизаветы Петровны к смертной казни, подготовленный сенатской комиссией к 1754 г. проект Уголовного уложения за многие преступления предусматривал смертную казнь, причем

в квалифицированных видах (за оскорбление императорской особы «разорвать пятью запряженными лошадьми на пять частей», за разбой, сопряженный с убийством, «вешать за ребра» и пр.) [3, с. 28]. Хотя этот долго готовившийся проект был одобрен в Сенате, он не был утвержден императрицей Елизаветой Петровной, однако законотворческая работа по подготовке нового уложения не была прекращена и продолжилась в правление Екатерины II Уложенной комиссией 1767 г.

Составленный Екатериной II для Уложенной (кодификационной) комиссии в форме наставления, отражавший принципы политики просвещенного абсолютизма и основанный на французском сборнике «Энциклопедия, или толковый словарь наук, искусств и ремесел», работах Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях» и Ш. Монтескье «О духе законов» (ее Екатерина II именовала своим «молитвенником»), Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения содержал в себе противоречивые воззрения на проблему смертной казни: так, в ст. 209–212 отрицаются польза и необходимость смертной казни в «обыкновенном состоянии общества», а в ст. 79 говорится, что «гражданин бывает достоин смерти, когда он нарушил безопасность даже до того, что отнял у кого жизнь или предпринял отнять». Точная трактовка последнего положения позволила Н. П. Загоскину сделать верный вывод о том, что «Екатерина, видя в смертной казни "некоторое лекарство больного общества", как бы склоняется к возможности допустить ее не только за убийство, но и за покушение на него» [4, с. 83–84]. Разработанный при Екатерине II и содержащий нравственные назидания и поучения для подданных Устав благочиния, или полицейский 1782 г. закреплял закрытый перечень применяющихся полицейскими органами наказаний (заклечение в работный дом, штраф, порицание и др.), которые, по мысли авторов данного устава, должны были воспитывать и служить развитию у членов общества высоких моральных качеств.

Идеология просвещенного абсолютизма гуманизировала уголовно-правовую составляющую внутренней политики государства екатерининской эпохи лишь на уровне официальных деклараций и императорских философско-правовых рассуждений, нотаций и «наказов», не оказывая практически никакого влияния на пенитенциарную практику, которая оставалась консервативной и косной. В некоторых случаях ее репрессивность даже усиливалась: Указ Екатерины II от 22.08.1767 «О бытии помещичьим людям и крестьянам в повиновении и послушании у своих помещиков, и о неподавании челобитен в собственные Ея Величества руки» запрещал крепостным под угрозой уголовного наказания жаловаться на своих владельцев, а Указ Екатерины II от 17.01.1765 «О приеме Адмиралтейской коллегии присылаемых от помещиков для смирения крепостных людей, и об употреблении их в тяжкую работу» наделял российских

дворян правом – правильно охарактеризованным Л. Р. Сафиным как наиболее строгое из тех, что могли быть предоставлены помещикам в эпоху крепостного права в России [5, с. 146], – по своему усмотрению отправлять крепостных, «по продержанному состоянию заслуживающих справедливое наказание», на каторжные работы.

Уголовное наказание в России в XIX в. и в дореволюционный период

Попытки привлечь общественное внимание к необходимости реформирования, обновления и улучшения практики исполнения уголовных наказаний делались отдельными выдающимися личностями, в числе которых английский тюремный реформатор, юрист, медик и филантроп Д. Говард, умерший в России в г. Херсоне и удостоившийся эпитафии на обелиске: «*Alios salvos fecit. Vixit propter alios*» («Делал других здоровыми. Жил для других»). В 1819 г. другой английский филантроп В. Веннинг, в течение двух лет изучавший состояние российских мест лишения свободы и подавший на имя Александра I записку об улучшении условий содержания в них, основал в России Попечительное о тюрьмах общество, покровительство над которым взял на себя российский император. Внимательное отношение к пенитенциарным учреждениям в традициях русского христианского милосердия проявлял не только Александр I, но и другие российские монархи: «в государственные, религиозные и фамильные праздники (например, день рождения императора) российские государи и сановники посещали тюрьмы, выслушивали жалобы арестантов, оказывали им материальную помощь, а иногда освобождали заключенных, по сути дела, осуществляя помилование» [6, с. 19].

С начала XIX в. российская верховная власть предпринимала решительные шаги в направлении кодификации и систематизации уголовного законодательства: в 1801 г. Александр I поставил под свой непосредственный надзор управление Комиссией составления законов, которая уже Николаем I в 1826 г. была преобразована во Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Результатами ее долгой и кропотливой кодификационной работы под руководством М. А. Балугьянского и М. М. Сперанского стали Полное собрание законов Российской империи и Свод законов Российской империи. В т. XV Свода законов Российской империи были помещены нормы уголовного права, распределенные по двум частям – Общей и Особенной. В состав свода был включен Устав о предупреждении и пресечении преступлений 1832 г., вступивший в силу с 1 января 1835 г. Для криминологов и пенологов он важен и интересен прежде всего тем, что благодаря этому акту деятельность по предупреждению преступлений впервые в системном виде была закреплена на законодательном уровне (устав, в частности, предусматривал такие меры по предупреждению преступлений, как воспрещение жительства в столицах и

других местах, отдача под надзор полиции и высылка иностранцев за границу). Также пенологический интерес представляет такой нормативный акт, как Инструкция смотрителю губернского тюремного замка 1831 г., так как в нем были сформулированы цели пенитенциарной деятельности: «дабы, по возвращению в недра общества, сделались они полезными сами себе и семействам своим, вообще клонились бы к исправлению нравственности и к привычке трудиться» (ст. 237).

После опубликования Свода законов Российской империи был подготовлен текст Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, которое после рассмотрения в Государственном совете было утверждено Николаем I 15 августа 1845 г. и введено в действие с 1 мая 1846 г. Данный свод считается первым российским уголовным кодексом, так как все предыдущие законодательные акты объединяли в себе нормы разных отраслей права. Несмотря на тщательную проработку вопросов наказания, у него имелся ряд недостатков: во-первых, в уложение была включена ст. 90 «Определение наказания вообще», однако определение уголовного наказания в ней не давалось; во-вторых, одновременно с ним в России действовали Устав о ссыльных 1857 г., Устав о наказаниях, налагаемыми мировыми судьями 1864 г., Военный устав о наказаниях 1868 г., Военно-морской устав о наказаниях 1870 г. и иные законы, которые также содержали перечни наказаний, назначавшихся судами; в-третьих, представленная в состоявшем из 12 разделов, 81 главы, 98 отделений и 2224 статей уложении система уголовных наказаний была слишком объемной, усложненной и трудно применимой (на этот недостаток не раз обращал внимание Н. Д. Сергеевский [7, с. 877]); в-четвертых, по-прежнему сохранялось неравенство подданных перед законом в выборе уголовного наказания (в частности, дворяне, купцы и другие привилегированные сословия освобождались от телесных наказаний); в-пятых, данный кодекс допускал применение уголовного наказания по аналогии при наличии пробелов в санкциях. Главное же преимущество этой кодификации, на наш взгляд, заключается в том, что ее авторы стремились реализовать сложную пенитенциарную задачу – соразмерить и соотнести содержание уголовных наказаний не только со степенью общественной опасности преступления, но и с его характером.

Уложение разделяло наказания на уголовные (смертная казнь, ссылка на поселение в Сибирь и др.) и исправительные (выговоры в присутствии суда, замечания и внушения от мест судебных или правительственных, кратковременный арест и др.), в чем, как мы считаем, отразилось стремление отечественного законодателя как подчеркнуть и усилить исправительную функцию уголовного наказания, так и обеспечить принцип индивидуализации наказания (эта интенция отражена и в самом названии кодекса). Система наказаний была представлена в иерархиче-

ской форме: от наиболее тяжелых к наименее тяжелым. Большая часть наказаний сопровождалась лишением всех прав состояния (сословных (как неподатных, так и податных сословий), гражданских и политических прав) и лишением всех особенных прав и преимуществ (почетных и дворянских титулов, чинов, знаков отличия, права поступать на службу и др.).

Судебные реформы Александра II, утвержденные в 1864 г. и проведенные в 1866–1899 гг., повлекли в 1866 г. обновленную редакцию (ей предшествовала редакция 1857 г.) Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. В результате сословные различия были смягчены, хотя сам сословный принцип отменен не был. В 1863 г. были официально упразднены как вид уголовного наказания телесные наказания (на практике, в особенности по отношению к ссыльным, включая женщин (битие розгами женщины-заключенной привело к массовым самоубийствам на Карийской каторге в 1889 г.), они продолжали применяться вплоть до начала XX в.) и клеймение осужденных к каторжным работам (рвание ноздрей у преступников было отменено значительно раньше – в 1817 г.). В 1885 г. система уголовных наказаний была в определенной степени либерализована. Так, в частности, было отменено публичное исполнение смертной казни, из текста уложения было исключено заключение в не оправдавшие себя на практике рабочие и смиренные дома, вместо которого стало использоваться обычное тюремное заключение.

Изменения уголовного законодательства в середине и конце XIX в. способствовали возрастанию общественно-правовой роли тюремных заведений, а также повышению значимости института ссылки, который активно использовался в России и раньше (особенно в отношении политических (государственных) преступников), но в гораздо меньших масштабах. Рассматривая в своей известной работе «Русская община в тюрьме и ссылке» колонизационное и исправительное значение российской ссылки, Н. М. Ядринцев писал, что «она не достигла предполагаемой цели – заселения Сибири. Поселенцы не только не являются преобладающей частью сибирского населения, но, напротив, составляют самую ничтожную и быстро вымирающую часть его» [8, с. 600], а также давал низкую оценку превентивной роли ссылки. Соглашаясь с его мнением по поводу колонизационных аспектов ссылки в России, мы в то же время не можем признать верной и обоснованной его точку зрения относительно цели частной превенции в ссылке: в этом отношении она во многом схожа с лишением свободы, так как ссылка не только лишает делинквента объективной возможности совершать преступные деяния, но и предоставляет ему время на исправление и переоценку своих жизненных идеалов и ценностей. Показательно, что в целях обеспечения последних в России в XIX в. реализовывалась близкая к ирландской (крофтонской) система, стимулирующая исправление: сосланные на каторгу

делились на разряд испытуемых и разряд исправляющихся – тех, кто благодаря хорошему поведению и стремлению исправиться по прошествии определенного времени наделялся различными льготами и преимуществами: правом получать процент от выручки в виде зарплаты, проживать за пределами острога, построить себе дом на заводской земле, вступить в брак, получать натуральное пособие (инвентарь, инструменты, семена и пр.) на ведение домашнего хозяйства, перейти после каторги в категорию ссыльнопоселенцев.

На основании закона 1900 г. были отменены ссылка на жительство и деление ссылки на поселение на ссылку в Сибирь и ссылку в Закавказье (для еретиков, раскольников, сектантов и пр.), на «ссылку на поселение в отдаленнейших местах Сибири» и «ссылку на поселение в местах Сибири не столь отдаленных». В Уголовном уложении от 22 марта 1903 г. наряду с каторгой предусмотрен лишь один неразделяемый на степени вид ссылки – ссылка на поселение. В целом же система уголовных наказаний в этом законодательном своде рубежа XIX–XX вв. была заметно упрощена, ее каркас составили лишь три категории наказаний: главные, дополнительные и заменяющие, а в закрытый перечень уголовных наказаний было помещено всего восемь видов. Категории уголовно наказуемых деяний (тяжкие преступления, преступления и проступки) были сконструированы в зависимости от тяжести предусмотренных за них наказаний, не имевшие практического значения различия между наказаниями уголовными и исправительными были законодателем нивелированы. Несмотря на наличие в ст. 1 этого последнего кодифицированного уголовно-правового сборника Российской империи определения преступления, понятия уголовного наказания в нем не содержалось, равно как и указаний на его цели. Тем не менее многие российские исследователи отмечают очень высокий научно-теоретический уровень готовившегося больше 20 лет Уголовного уложения 1903 г., который был достигнут прежде всего благодаря привлечению к его составлению выдающихся ученых-правоведов того времени – Н. А. Неклюдова, Н. Д. Сергеевского, Н. С. Таганцева, И. Я. Фойницкого и др. Любопытны критические замечания Н. Д. Сергеевского, содержащиеся в письме учрежденной в 1881 г. Александром III специальной редакционной комиссии по составлению проекта уложения и пояснительной записки к нему, по отношению к пенитенциарной системе, которая, как он считал, «в действующем праве осталась лишь на бумаге, а в действительной жизни привела к полному разложению и, скажем даже, к деморализации уголовной юстиции, благодаря именно несоответствию сложной системы с однообразием и скудостью наличных сил и средств в обществе» [9, с. 37].

Николай II, намеревавшийся провести реформу уголовно-исполнительной системы, отказался ввести в силу Уголовное уложение 1903 г. в полном объеме,

ограничившись постепенным введением отдельных его глав и статей. События Революции 1905 г. опосредовали издание им Указа от 02.12.1905, ужесточившего ответственность за участие в забастовках на предприятиях государственного значения, а начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война потребовала дополнительных и изменений в уголовном законодательстве, направленных на ужесточение уголовных наказаний за целый ряд преступлений, общественная опасность которых возросла в связи с вступлением России в войну (например, Указ от 12.01.1915 усиливал наказание за дезертирство, самовольную отлучку и уклонение от несения военной службы).

Преобразования уголовного законодательства, предпринятые сформированным в ходе Февральской революции 1917 г. Временным правительством, отличали поспешность, непоследовательность и необдуманный характер: так, им была объявлена амнистия, приведшая к тому, что спустя полгода в места лишения свободы пришлось возвращать амнистированных, было издано постановление об отмене смертной казни, однако спустя три месяца вследствие антиправительственных выступлений в Петрограде и ухудшения обстановки на фронте в июле 1917 г. ее пришлось восстановить.

Уголовное наказание времен молодой советской республики

Октябрьская революция 1917 г., повлекшая тотальный слом прежнего социального устройства и государственного аппарата и возведшая в нашей стране марксизм в ранг господствующей идеологии, привела к пересмотру концептуальных основ уголовной политики, включая изменения воззрений на суть, социальное назначение и цели уголовного наказания. В первые годы советской власти уголовная ответственность за преступления устанавливалась отдельными декретами, постановлениями и инструкциями, которые основывались на идеях революционного насилия и диктатуры пролетариата и носили ярко выраженный классовый характер. Так, Инструкцией НКЮ РСФСР «О революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях, и о порядке ведения его заседаний» 19 декабря 1917 г. закреплялся исчерпывающий перечень из 8 видов наказаний, включавший в себя «секвестр или конфискацию (частичную или общую) имущества виновного», «объявление общественного порицания» и «объявление виновного врагом народа», Декретом СНК РСФСР от 22.07.1918 «О спекуляции» устанавливалась санкция за спекуляцию, предусматривающая лишение свободы, соединенное с принудительными работами и конфискацией имущества виновного. Декреты ВЦИК и СНК РСФСР о суде от 24.11.1917 № 1 и от 07.03.1918 № 2 позволяли применять правовые нормы уголовных уложений 1845 г. и 1903 г. и иного дореволюционного законодательства «постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосо-

знанию» (полный запрет на использование норм дореволюционного права был закреплен в примечании к ст. 22 Положения ВЦИК о народном суде РСФСР от 30.11.1918), что позволяет говорить о наличии преемственности советского уголовного законодательства с дореволюционным. Наш вывод подтверждает содержание не применявшегося на практике Советского уголовного уложения 1918 г., известного как «Свод законов русской революции. Часть пятая. Уголовное уложение. Издание 1918 года» и разработанного Народным комиссариатом юстиции РСФСР на базе Уголовного уложения 1903 г. Нами была выявлена генетическая связь норм этого памятника права с уголовным правом Российской империи, в том числе и в подходах к уголовному наказанию.

Несмотря на имевшее место заимствование из законов царского времени части юридических конструкций, произведенный нами анализ мер, применяемых молодой советской республикой к девиантам и правонарушителям в уголовно-правовом порядке, позволил заключить, что в начальный период своего существования социалистическое государство в пенитенциарной сфере стремилось порвать доктринальные связи с классической идеей возмездия и моделью устрашения, а равно обновить, диверсифицировать и разнообразить палитру способов и средств уголовно-правового воздействия на делинквентов. На практике данная нацеленность выразилась в использовании таких новых и обновленных юридических мер, как выражение общественного порицания, лишение общественного доверия, объявление врагом революции или народа, запрет на занятие должности, запрет выступать на собраниях, принуждение к действию, не представляющему физического лишения (например, пройти известный курс отучения), удаление из столиц, отдельных местностей или пределов Российской Республики, объявление судом выговора или замечания и др. Нами полностью разделяется мнение Р. Б. Осокина и М. В. Денисенко, что эти наказания «очень интересны с точки зрения социальной действительности, привлечения и сплачивания граждан, проявления коллективной воли в отношении одного гражданина, преступившего закон» [10, с. 52]. Внедрение советской властью системы широкого привлечения общественности к воздействию на правонарушителей (в том числе введение товарищеских судов, партийных судов, судов чести, сельских общественных судов, практики взятия на поруки и пр.) нельзя, на наш взгляд, не признать решением, которое способствовало либерализации и демократизации области предупреждения преступности.

Направленность нового курса уголовной политики прежде всего на профилактику криминального поведения и индивидуализацию уголовно-правовых мер с последовательным игнорированием идей возмездия и искупления вины ярко выражена в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР от 12.12.1919, ко-

торые в перечне «примерных» наказаний содержали большое количество альтернативных, не связанных с изоляцией от общества, мер воздействия: от внушения и объявления под бойкотом до лишения политических прав и объявления вне закона, а в ст. 10 закрепляли, что «наказание не есть возмездие за “вину”, не есть искупление вины». Этот нормативный правовой акт интересен еще и тем, что в нем впервые в истории отечественного уголовного права было дано легальное определение уголовного наказания: «наказание – это те меры принудительного воздействия, посредством которых власть обеспечивает данный порядок общественных отношений от нарушителей последнего (преступников)» и четко сформулирована его задача – «охрана общественного порядка от совершившего преступление или покушавшегося на совершение такового и от будущих возможных преступлений как данного лица, так и других лиц».

Некоторые российские исследователи полагают, что в 1918–1920 гг. в уголовно-правовой практике во главу угла была поставлена задача ликвидации либо изоляции от социума представителей эксплуататорских классов. В. С. Егоров, упоминая Постановление СНК РСФСР «О красном терроре» от 05.09.1918 и Инструкцию чрезвычайным комиссиям на местах от 01.12.1918, в обоснование данной позиции пишет: «вводится новый вид наказания – изолирование в концентрационных лагерях. Активно применяется смертная казнь – по некоторым данным, за период с 1918 по 1919 г. был казнен 9641 человек» [11, с. 24–25]. Однако согласно данным уголовно-правовой статистики самым распространенным видом уголовного наказания в этот период был штраф [12, с. 49], а работавший в то самое время народный судья Н. К. Ломакин вспоминал: «Когда мы первый раз вынесли условное осуждение, то вся публика отнеслась к этому с каким-то радостным сочувствием... Вообще, надо сказать, что первые наши приговоры были очень гуманны. Зачастую мы выносили общественное порицание, налагали небольшие штрафы; я не помню, чтобы кто-нибудь был присужден более, чем к двухлетнему тюремному заключению» [13, с. 25]. Причем тенденция гуманизации уголовной репрессии сохранялась и в последующие годы: анализируя годовой опыт применения Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., Я. Н. Бранденбургский приводил следующую статистическую информацию: «И до, и после введения Уголовного Кодекса из 100 подсудимых 75 человек осуждено и 25 оправдано» [14, с. 337].

Мы также не можем согласиться с точкой зрения П. Е. Сулонова, который отмечает: «Новой властью было подвергнуто переосмыслению само понятие наказания... Наказание есть оборонительная мера по охране общественного строя, мера социальной защиты («Руководящие начала по уголовному праву РСФСР», 1919 г.). Хотя декларировалась идея исправления, логически она не укладывалась в схему данной концепции» [15, с. 8]. В тексте Руководящих начал

по уголовному праву РСФСР от 12.12.1919 нет никаких упоминаний о «мере социальной защиты» (этот конструкт добавится к наказанию несколько позже), в нем говорится о наказании в его традиционном значении и не как об «оборонительной мере по охране общественного строя», а как о мере принудительного воздействия, задача которой – охрана от преступников общественного порядка; продекларированная в нем и обеспеченная в плане реализации идея исправления («приспособления к данному общественному порядку») логически полностью укладывается в его концепцию.

Положение о том, что «преступление в классовом обществе вызывается укладом общественных отношений, в котором живет преступник», основано на коммунистических представлениях об изменчивости – зависимости личности от социальных условий жизни, которая в марксистском учении выступает предпосылкой ее исправления. Личность преступника рассматривалась марксистами как жертва внешних, жизненных обстоятельств; они, подчеркнем, были искренне убеждены в возможности ее исправления, а потому принципы исправимости преступников и подчинения уголовного наказания цели перевоспитания («перековки») стали базовыми в их педологической концепции с ее известным гуманистическим лозунгом «от тюрем – к воспитательным учреждениям».

В марксистской пенитенциарной модели большое значение придается труду как средству исправления. Подчеркивая значимость труда как исправительного средства, К. Маркс писал: «рабочие вовсе не хотят... чтобы с уголовными преступниками обращались, как со скотом, и в особенности, чтобы их лишали единственного средства исправления – производительного труда» [16, с. 34]. Уголовный кодекс РСФСР от 26.05.1922 не только содержал уголовное наказание в виде принудительных работ без содержания под стражей и требование о том, что «лишение свободы обязательно соединяется с работами», но и самими названиями типов мест лишения свободы в ст. 34 указывал на роль труда в исправлении осужденных: «в местах лишения свободы (исправительно-трудовых домах, трудовых сельскохозяйственных и ремесленных колониях, переходных исправительных домах), в зависимости от тех мер исправительного воздействия, которые являются для исправления преступника необходимыми». В этой кодификации наряду с уголовным наказанием используется термин «другие меры социальной защиты» (к ним были отнесены помещение в учреждение для умственно или морально дефективных, принудительное лечение, воспреещение занимать ту или иную должность или заниматься той или иной деятельностью либо промыслом и удаление из определенной местности).

Объясняя появление термина «меры социальной защиты», который в законе 1922 г. еще не заменил собой термин «наказание», а употреблялся наряду с ним

(тут нельзя не признать правоту А. Н. Трайнина, заметившего, что «первый УК мало внимателен к словам и формулам. Его терминология... невыдержанная; закон говорит то, о "наказании и других мерах социальной защиты" (глава IV), то даже о "наказании" в противовес "мерам социальной защиты"» [17, с. 40]), Е. Г. Ширвиндт и Б. С. Утевский отмечали, что «советское право видит в наказании не кару, не возмездие, а только меру социальной защиты от деяний, направленных против пролетарского государства или наносящих вред социалистическому строительству» [18, с. 20]. Это понятие (первая попытка закрепить в уголовном законодательстве меры социальной защиты наряду с наказанием была сделана К. Штооссом в 1893 г. в проекте уголовного кодекса Швейцарии, до этого Ф. Турати предлагал Д. Дзанарделли отразить их в Уголовном кодексе Италии 1889 г. (Кодексе Дзанарделли), однако он их не вообрал) было взято из работ Э. Гарсона, А. Принса и приверженца марксизма Э. Ферри; последний под социальной защитой подразумевал не только защиту общества от преступности (в особенности от преступлений «душевнобольных преступников» и «преступников по рождению»), но и охрану от преступных актов со стороны господствующих классов, и разрабатывал синтетическую позитивистскую криминологическую модель, основанную на объединении доктрин «общественной обороны» и «классовой обороны».

Среди выделяемых в Уголовном кодексе РСФСР от 26.05.1922 целей наказания и других мер социальной защиты особого внимания заслуживает такая цель, как приспособление нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия: в этой формулировке закона просматривается не только исправительная функция наказания, но и намерение законодателя задействовать ресоциализационный ресурс уголовного наказания, интегрировать и адаптировать осужденных к жизни в социалистическом социуме – обществе трудящихся. В Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 31.10.1924 эта цель отсутствует (она воспроизводится в Исправительно-трудовом кодексе РСФСР от 16.10.1924 как одна из целей создания исправительно-трудовых учреждений), как отсутствует и само понятие наказания: в них говорится лишь о мерах социальной защиты, применяемых с целью предупреждения преступлений, лишения общественно опасных элементов возможности совершать новые преступления и исправительно-трудового воздействия на осужденных. При этом в тексте подчеркивалось, что «задач возмездия и кары уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик себе не ставит». Меры социальной защиты были разделены на меры судебного-исправительного характера, меры медицинского характера и меры медико-педагогического характера; фактически первая группа представляла собой уголовные наказания, названные по-новому. К мерам медицин-

ского характера относились принудительное лечение и помещение в медико-изоляционные учреждения, а к мерам медико-педагогического характера – отдача несовершеннолетних на попечение родителям, родственникам или другим лицам, учреждениям и организациям и помещение в специальные заведения.

Отказ от уголовного наказания с заменой его на «меры социальной защиты» – категорию позитивистских криминологических концепций, отрицающих базовые идеи классической школы уголовного права – принципы свободы воли и вины, позволил легализовать в Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 31.10.1924 объективное вменение: в них закреплялось, что удаление из пределов союзной республики или из пределов отдельной местности назначается судами в отношении лиц, признанных по своей преступной деятельности или по связи с преступной средой в данной местности социально опасными, а также, что эта мера может быть применена судами к такой категории лиц как независимо от привлечения их к судебной ответственности, так и в том случае, когда они будут судом оправданы, но признаны социально опасными.

Уголовный кодекс РСФСР от 22.11.1926 также сохранил нарушающие принцип «*Nemo punitur pro alieno delicto*» (никто не наказывается за преступление другого лица) нормы об объективном вменении: 20 июля 1934 г. в него были внесены изменения, согласно которым в случае побега или перелета за границу военнослужащего «остальные совершеннолетние члены семьи изменника, совместно с ним проживавшие или находившиеся на его иждивении к моменту совершения преступления, подлежат лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на пять лет». В текст данного кодекса в 1934 г. была внесена поправка о том, что в постановлениях ЦИК и СНК СССР, начиная с постановления от 08.06.1934, вместо термина «мера социальной защиты судебно-исправительного характера» употребляется термин «наказание», свидетельствующая о возвращении советского законодателя к этому понятию. Вскоре в ст. 3 Закона СССР от 16.08.1938 «О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик» появилась примечательная формулировка, что «советский суд, применяя меры уголовного наказания, не только карает преступников», говорившая о доктринальной «реабилитации» и обращении к пенологической концепции возмездия (кары).

За время действия Уголовного кодекса РСФСР от 22.11.1926, как верно отмечает Н. В. Азаренок [19, с. 51], в него были внесены многочисленные изменения, затрагивающие институт уголовного наказания. Так, после Великой Отечественной войны были сделаны поправки, удачно охарактеризованные А. В. Наумовым: «пределы наказания устанавливались в зависимости от объекта преступлений против соб-

ственности. Наиболее строго наказывались преступления против государственной собственности, менее строго – против общественной собственности и еще менее – против личной собственности граждан» [20, с. 124].

Кодекс 1926 г. действовал вплоть до 1960 г., пока не был разработан и не вступил в силу Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960, который также не содержал официального определения уголовного наказания, однако в ст. 20 раскрывал подход к нему советского законодателя: «наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и другими лицами». Это положение полностью совпадало с формулировкой, содержащейся в ст. 20 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 25.12.1958, а также с помещенной в ст. 1 Исправительно-трудового кодекса РСФСР от 18.12.1970, к которой было добавлено: «а также способствовало искоренению преступности», хотя, по нашему мнению, такую высокую цель – вера в достижимость которой была присуща той исторической эпохе – для уголовного наказания правильнее было бы закрепить не в исправительно-трудовом, а в советском уголовном законе.

Заключение

Подводя итоги нашей работы, можно резюмировать, что многовековой отечественный исторический опыт показывает, что цели, идейные основания и содержание уголовного наказания менялись как по мере социальной динамики, темпы которой в различные времена разнились, так и в силу структурных изменений внутри политико-правовой системы нашего государства, сохраняя при этом определенную национальную самобытность и относительную преемственность. В XIX–XX вв. на эти изменения стали оказывать влияние криминологические и уголовно-правовые теории и философско-политические учения, особенно сильным оказалось воздействие со стороны марксизма. В определенные исторические периоды уголовное наказание использовалось как средство социальной, идеологической и внутриполитической борьбы, тогда как его непреложное социально-юридическое назначение состоит в противостоянии преступности, защите социума от разнообразных проявлений криминального феномена.

Обострение криминальной ситуации в обществе на любом этапе его развития выступает катализатором активности государственной власти по совершенствованию уголовного наказания и созданию его новых форм и видов, а ухудшению криминальной обстановки способствует отсутствие конгруэнтности и нередко образующиеся разрывы между изменяющейся социальной действительностью и содержанием уголовного законодательства.

В уголовном наказании на каждой фазе его развития в России наглядно отражается не только социально-экономический уклад жизни, но и текущий культурный и духовно-нравственный уровень общества, поэтому уголовное наказание обладает ценностью еще и как феномен, отображающий социально-культурные процессы, происходящие в российском социуме. В данной связи вполне можно переиначить и развернуть известные слова У. Черчилля «покажи-

те мне ваши тюрьмы, и я скажу, в каком обществе вы живете» на «ознакомьтесь с используемой в обществе системой уголовных наказаний и текущей практикой ее применения и вы сможете оценить уровень культурного и социально-правового развития этого общества». Это латентное свойство уголовного наказания, на наш взгляд, вполне можно отнести к функциональным, способным быть использованным в научных и когнитивных целях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коробеев А. И. Смертная казнь: целесообразность сохранения // *Lex russica* (Русский закон). 2016. № 7. С. 190–199.
2. Паршина Н. В. Применение смертной казни как вида наказания в Запорожском казачьем войске (XVI–XVIII вв.) // *Вестник Российского университета кооперации*. 2021. № 3. С. 136–138.
3. Козаченко И. Я., Корсаков К. В., Лещенко В. Г. Церковно-религиозное воздействие на осужденных к лишению свободы. Гамбург, 2012. 264 с.
4. Загоскин Н. П. Очерк истории смертной казни в России. Речь, читанная 5 ноября 1891 года, в торжественном годовичном собрании Императорского Казанского университета, ординарным профессором Н. П. Загоскиным. Казань, 1892. 103 с.
5. Сафин Л. Р. Исторический очерк правового регулирования наказаний, не связанных с изоляцией от общества по уголовному праву России // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2023. Вып. 1. С. 142–158.
6. Социальная реабилитация осужденных / Жуков В. И. [и др.]. М., 2005. 244 с.
7. Сергеевский Н. Д. Преступление и наказание как предмет юридической науки // *Юридический вестник*. 1879. Т. 2. № 12. С. 877–904.
8. Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. М., 2015. 752 с.
9. Боровитинов М. М. Николай Дмитриевич Сергеевский и его профессорская, научно-литературная и общественная деятельность: биографический очерк. СПб., 1910. 176 с.
10. Осокин Р. Б., Денисенко М. В. Генезис института наказания в отечественном уголовном праве // *Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации*. 2019. № 4. С. 50–54.
11. Егоров В. С. Система уголовных наказаний в период становления советской власти // *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*. 2006. № 4. С. 24–27.
12. Швеков Г. В. Первый советский уголовный кодекс. М., 1970. 207 с.
13. Из бесед // *Еженедельник советской юстиции*. 1922. № 44–45. С. 21–27.
14. Бранденбургский Я. Н. О нашей уголовной репрессии // *Еженедельник советской юстиции*. 1923. № 15. С. 337–339.
15. Сулонов П. Е. Теоретико-мировоззренческие аспекты проблемы наказания. Екатеринбург, 2001. 81 с.
16. Маркс К. Критика Готской программы. Энгельс Ф. К критике проекта социал-демократической программы 1891 г. М., 1959. 71 с.
17. Трайнин А. Н. Десять лет советского уголовного законодательства (итоги и перспективы) // *Право и жизнь: журнал, посвященный вопросам права и экономического строительства*. 1927. Кн. 8. С. 36–46.
18. Ширвиндт Е. Г., Утевский Б. С. Советское пенитенциарное право. М., 1927. 276 с.
19. Азаренок Н. В. Эволюция отечественного уголовного процесса как производства континентальной формы. Екатеринбург, 2021. 718 с.
20. Наумов А. В. Преступление и наказание в истории России : в 2 ч. М., 2014. Ч. 2. 656 с.

REFERENCES

1. Korobeev A.I. Death penalty: the rationale for maintaining. *Lex russica (Russkii zakon) = Russian Law*, 2016, no. 7, pp. 190–199. (In Russ.).
2. Parshina N.V. The use of the death penalty as a form of punishment in the Zaporozhye cossack army (XVI–XVIII centuries). *Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii = Bulletin of the Russian University of Cooperation*, 2021, no. 3, pp. 136–138. (In Russ.).
3. Kozachenko I.Ya., Korsakov K.V., Leshchenko V.G. *Tserkovno-religioznoe vozdeistvie na osuzhdennykh k lisheniyu svobody* [Church and religious influence on those sentenced to imprisonment]. Hamburg, 2012. 264 p.
4. Zagoskin N.P. *Ocherk istorii smertnoi kazni v Rossii. Rech', chitannaya 5 noyabrya 1891 goda, v torzhestvennom godichnom sobranii Imperatorskogo Kazanskogo universiteta, ordinarnym professorom N.P. Zagoskinym* [An essay on the history of the death penalty in Russia. Speech delivered on November 5, 1891, at the solemn annual meeting of the Imperial Kazan University, by Ordinary Professor N.P. Zagoskin]. Kazan, 1892. 103 p.
5. Safin L.R. A historical essay of the legal regulation of punishments not involving isolation from society under Russian criminal law. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical sciences*, 2023, no. 1, pp. 142–158. (In Russ.).
6. Zhukov V.I. et al. *Sotsial'naya reabilitatsiya osuzhdennykh* [Social rehabilitation of convicts]. Moscow, 2005. 244 p.
7. Sergeevskii N.D. Crime and punishment as a subject of legal science. *Yuridicheskii vestnik = Legal Bulletin*, 1879, vol. 2, no. 12, pp. 877–904. (In Russ.).

8. Yadrintsev N.M. *Russkaya obshchina v tyur'me i ssylke* [The Russian community in prison and exile]. Moscow, 2015. 752 p.
9. Borovitinov M.M. *Nikolai Dmitrievich Sergeevskii i ego professorskaya, nauchno-literaturnaya i obshchestvennaya deyatel'nost': biograficheskii ocherk* [Nikolai Dmitrievich Sergeevsky and his professorial, scientific, literary and social activities: a biographical sketch]. Saint Petersburg, 1910. 176 p.
10. Osokin R.B., Denisenko M.V. Genesis of the institute of punishment in domestic criminal law. *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, 2019, no. 4, pp. 50–54. (In Russ.).
11. Egorov V.S. The system of criminal penalties during the formation of Soviet power. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Penal System: Law, Economics, Management*, 2006, no. 4, pp. 24–27. (In Russ.).
12. Shvekov G.V. *Pervyi sovetskii ugolovnyi kodeks* [The First Soviet Criminal Code]. Moscow, 1970. 207 p.
13. From conversations. *Ezhenedel'nik sovetskoj yustitsii = Weekly of Soviet Justice*, 1922, no. 44–45, pp. 21–27. (In Russ.).
14. Brandenburgskii Ya.N. On our criminal repression. *Ezhenedel'nik sovetskoj yustitsii = Weekly of Soviet Justice*, 1923, no. 15, pp. 337–339. (In Russ.).
15. Suslonov P.E. *Teoretiko-mirovozzrencheskie aspekty problemy nakazaniya* [Theoretical and ideological aspects of the problem of punishment]. Ekaterinburg, 2001. 81 p.
16. Marx K., Kritika Gotskoj programmy. Engel's F. K kritike proekta sotsial-demokraticheskoi programmy 1891 g. [Criticism of the Gotha program. Engels F. To criticize the draft Social-Democratic program of 1891]. Moscow, 1959. 71 p.
17. Trainin A.N. Ten years of Soviet criminal legislation (results and prospects). *Pravo i zhizn': zhurnal, posvyashchennyi voprosam prava i ekonomicheskogo stroitel'stva = Law and Life: Journal Devoted to Issues of Law and Economic Construction*, 1927, no. 8, pp. 36–46. (In Russ.).
18. Shirvindt E.G., Utevskaia B.S. *Sovetskoe penitentsiarnoe pravo* [Soviet penitentiary law]. Moscow, 1927. 276 p.
19. Azarenok N.V. *Evolutsiya otechestvennogo ugolovnogo protsessa kak proizvodstva kontinental'noi formy* [Evolution of the domestic criminal process as a continental form of production]. Ekaterinburg, 2021. 718 p.
20. Naumov A.V. *Prestuplenie i nakazanie v istorii Rossii: v 2 ch. Ch. 2* [Crime and punishment in the history of Russia: in 2 parts. Part 2]. Moscow, 2014. 656 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КОНСТАНТИН ВИКТОРОВИЧ КОРСАКОВ – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела права Института философии и права Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, korsakovekb@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2967-9884>

KONSTANTIN V. KORSAKOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Senior Researcher at the Law Department of the Institute of Philosophy and Law of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, korsakovekb@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2967-9884>

Статья поступила 04.10.2024